

На столе передо мной, сотрудником пресс-службы Государственного архива новейшей истории Костромской области, лежит опись № 8. Что предполагает, как вы понимаете, наличие описей №№ 1-7, а также (хоть этого вы знать не можете) еще и описей №№ 9 и 10. Все эти папки с перечнем входящих в них дел составляют фонд № 3575, хранящий тысячи бумаг, касающихся «Северянки», а информация, выуженная из них, будет в той или иной степени использована в написании данного и последующих очерков. Притом именно опись № 8 включает самые ранние и, пожалуй, наиболее любопытные из имеющихся на хранении документов по газете - за 1926-32 гг.

Сила профсоюза

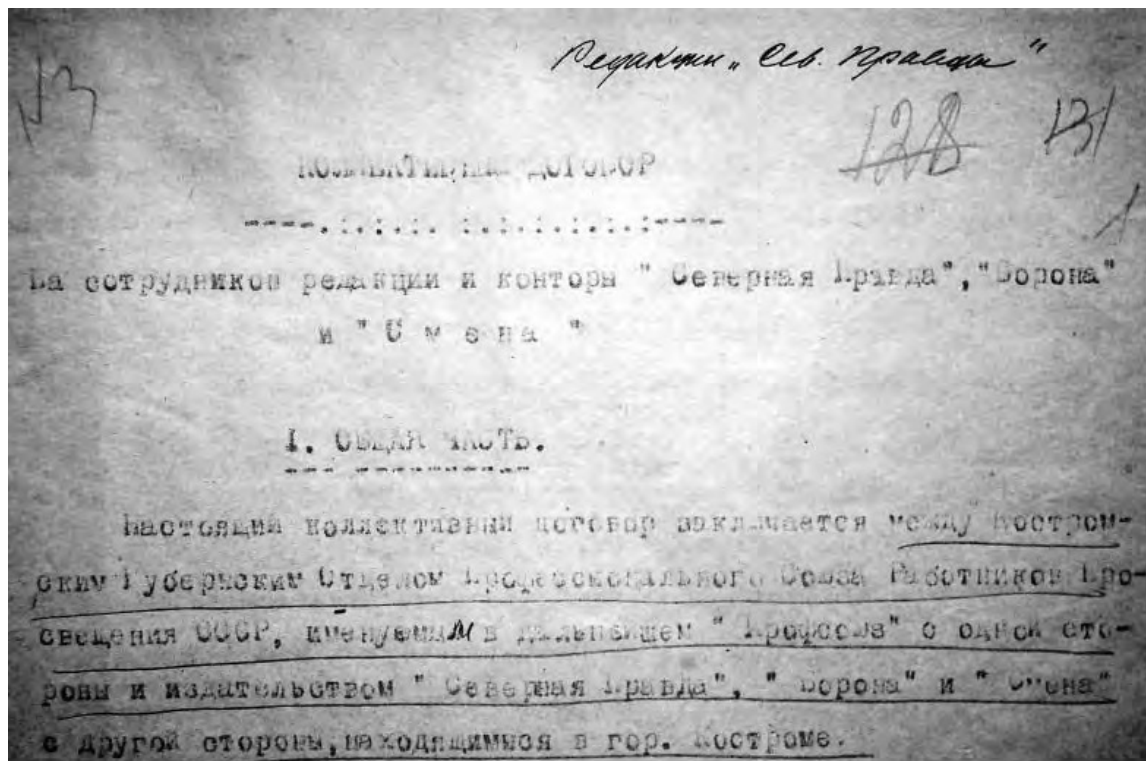
«В январе 1925 года, - начинается свое предисловие к «восьмой» моя прежняя коллегга, главный хранитель фондов, - ежедневная газета «Красный мир»... была переименована и получила название «Северная правда», а ее выпуском стало заниматься одноименное издательство». Далее упоминаются «дочерние» издания «Северянки»: газеты «Смена» и «Борона», а также журналы «Октябрь» и «Шмель». Мы еще будем иметь возможность рассказать об этих неординарных свидетелях «красной эпохи», но сегодня поговорим о важном и злободневном по сей день правовом акте...

Который раз убеждаюсь, что едва ли не все новое - это хорошо (или плохо) забытое старое. Надо вам сказать, что первый коллективный договор в России был заключен еще в 1904 году и уже тогда основывался, между прочим, на взаимном согласии между рабочими и, скажем, фабрикантами. Однако к концу 1920-х он представлял собой соглашение нанимателя с профсоюзом, представляющим интересы трудящихся. Этому благому в целом поветрию отдала дань и местная газета, заключившая «Коллективный договор на сотрудников редакции и конторы «Северная правда», «Борона» и «Смена», между издательством и Костромским Губернским Отделом Профессионального Союза Работников Просвещения СССР, осуществляющему свою деятельность непосредственно на предприятии или учреждении, - отводилась значимая роль. Он, по меньшей мере, должен был «ставиться своевременно в известность администрацией о всякой открывающейся вакансии, одновременно с посылкой в посредническое бюро (ныне - служба занятости) требования на служащих, рабочих...».

Честно говоря, есть ощущение, что уже в первые свои годы СССР крепко стоял на ногах. В стране, по крайней мере, в сфере трудового законодательства было немало порядка, о чем свидетельствовало не только наличие самого колдоговора, но и тот факт, что наблюдение за его выполнением и «разрешение всех споров и конфликтов, возникающих на почве его применения», возлагалось на специально созданную Расценочно-Конфликтную комиссию (Р.К.К.).

«Северная» сага: ДОГОВОР ДОРОЖЕ ДЕНЕГ?

Этим материалом мы открываем серию статей, связанных с более чем вековой деятельностью ведущей газеты нашего региона

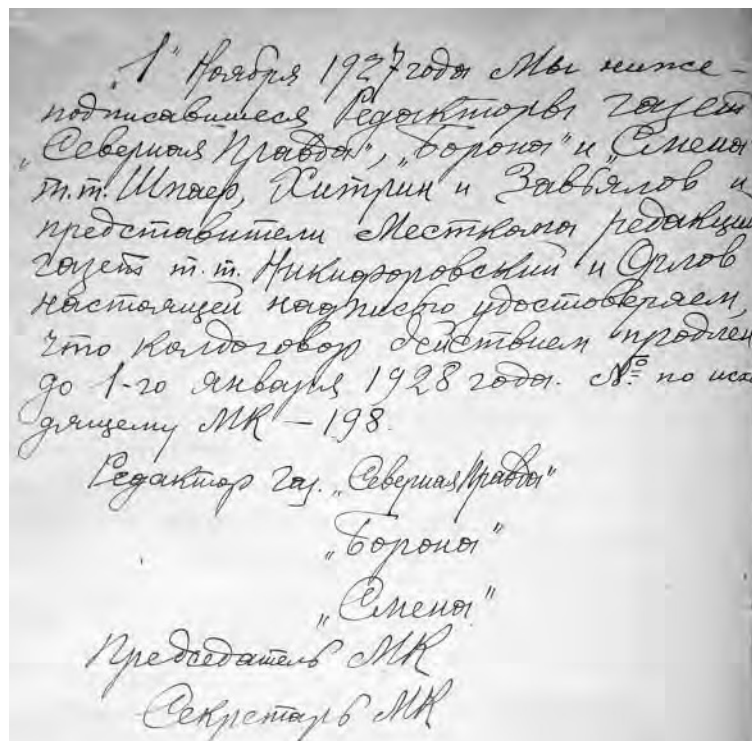

Очевидно также, что юные советские профсоюзы уже сумели набрать силу и пользоваться существенным влиянием, поскольку один из первых пунктов документа звучал так: «Администрация обязуется принимать на работу в первую очередь членов профсоюзов». И как в этой связи не вспомнить героев «Золотого теленка», «сыновей лейтенанта Шмидта» Остапа Бендера и Шуру Балаганова, которые, обедая, были вынуждены удовлетвориться квасом, поскольку в кооперативной общепитовской точке «Пиво отпускается только членам профсоюза».

Берегите женщин, женщин берегите!

Да вот и местному - низовому подразделению профсоюзной организации, осуществляющему свою деятельность непосредственно на предприятии или учреждении, - отводилась значимая роль. Он, по меньшей мере, должен был «ставиться своевременно в известность администрацией о всякой открывающейся вакансии, одновременно с посылкой в посредническое бюро (ныне - служба занятости) требования на служащих, рабочих...».

К слову, и понятие «месячный срок испытания», как видим из текста, «ноу-хау» отнюдь не новейших лет. Таковой, например, мог устанавливаться «для высшего административного технического персонала, для литературных и ответственных работников». И, конечно же, зафиксировано, что «при сокращении штатов в первую очередь, при равной квали-

фикации, увольняются не члены союза». Но уже следующее положение не может не подкупать: «...одинокие женщины, а также женщины, являющиеся единственными работницами в семье, пользуются при прочих равных условиях преимущественным правом оставления, беременные женщины могут быть уволены не иначе как с разрешения инспектора труда».

Кроме того, вызывают удивление, но и респект такие пункты колдоговора как: «Перерывы для женщин, кормящих грудью, должны иметь место через каждые три часа», «Начало периода отпусков и конец его устанавливается Р.К.К. в зависимости от местных климатических условий», «Издательство обязуется вы-

давать служащим и рабочим специальную одежду», стирка которой производилась ежемесячно и за счет учреждения. Корректорам, выпускающим, стеклографистам, ротаторщикам и др. предоставлялись халаты, фартуки, блузы, а багажникам-отправителям, рассыльным, сторожам - плащи и тулупы, рукавицы и валенки зимой, сапоги и ботинки летом. Умывальники должны были снабжаться водой, мылом и полотенцами, а сотрудники - кипяченой водой для питья.

Ставка в пол-ящика махорки

Вероятно, современным работникам редакции не бу-

дет безразличен вопрос оплаты труда их прежних собратьев по перу. Надо сказать, что зарплата регламентировалась «Тарифным справочником Союза Работников Просвещения», который опирался на 17-разрядную тарифную сетку. Выплаты производились два раза в месяц - 16-го и 1-го числа, а литературных гонораров - 5-го и 20-го. Ставка первого (самого низшего) разряда составляла 13 рублей 10 копеек, но благодаря увеличивающимся коэффициентам (от 1, 2 до 8,0) заработок сотрудника лежал в пределах между 15 и 105 рублями.

Для справки: средняя зарплата гражданина образца 1927 года была равна 63 рублям. Это при том, что 1 килограмм хлеба стоил 20 коп., колбасы - 70, сахара - 79, масла - 1 руб. 50 коп. 1000-граммовый «кирпич» чая тянул на 3 рубля, а за ящик (?) махорки надо было выложить 26 полноценных советских рублей. Дорого, нет ли, но очевидно, что при низшей 15-рублевой месячной ставке недолго было и «протянуть ноги», хотя если таковая и применялась, то общий доход работника, видимо, увеличивался за счет различных доплат. Материал, сданный в ночную редакцию, а также писательство «в праздничное время и в воскресные дни оплачивались в двойном размере, практиковалась прибавка и за переработки. В любом случае, наши «давние» коллеги, жившие, думается, исключительно «на одну зарплату», вряд ли роскошествовали, впрочем, как и вся страна в целом на пятом году своей государственности. Но вот и весьма неожиданно обнаруженная в договоре позиция: «Рабочее время устанавливается для всех категорий работников, кроме сдельщиков, - 6 часов!»

Завершая наше повествование, констатируем, что отчетный правовой акт, составленный старанием, прежде всего, функционеров губотдела союза просвещения и месткома «Северянки», несомненно, проникнут искренним уважением и заботой о том самом «человеке труда», которого сегодня, порой со снисходительной усмешкой, именуют «работягой».

И таким образом, не все забытое старое априори является плохим, а новое - обязательно прогрессивным и устремленным к всеобщему благу. А как думаете вы?

Олег ДЕ-РИБАС,
пресс-служба
Государственного архива
новейшей истории
Костромской области
(ГАНИКО)